

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94(100) «1914/.19»

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ: РОЛЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА

А. Б. БЕССОЛЬНОВ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Исход революции в огромной степени определяет армия. Данное утверждение неоднократно подтверждают революционные события в различных странах мира, в том числе и в России.

Поражение революции 1905–1907 гг. в первую очередь связано с тем обстоятельством, что императорская армия России, за исключением отдельных частей и кораблей, осталась верной присяге и царю Николаю II.

Великая война 1914–1918 гг., в которую волей-неволей была втянута Российская империя, оказала сильное влияние на все слои российского общества, которое проявлялось в первую очередь резким ростом оппозиционных настроений в отношении правящей элиты во главе с царем, размежеванием различных политических партий и группировок. Армия России, становясь более многочисленной, лучше вооруженной и управляемой, теряла в качестве личного состава и моральном духе. В 1916 г. характерным состоянием для солдатских и офицерских масс являлась накопившаяся усталость, раздражение от потерь и почти полное отсутствие видимых результатов, хотя на рубеже 1916–1917 годов уже четко определился перевес вооруженных сил стран Антанты над блоком Центральных держав. Всего за годы войны было мобилизовано 15,8 млн. человек, потери армии составили 35,5 % от этого числа, включая убитых, раненых и пропавших без вести (5,5 млн. чел). Причем относительные потери России были меньше, чем у Германии (55 %), и Франции (47 %) от числа мобилизованных [3, С. 174].

Большие потери младшего и среднего офицерского состава приводили к тому, что в передовых полках оставалось по 5–6 коренных, как их называли, офицеров, командовавших в основном 2 батальонами. Разрастание армии требовало постоянного пополнения офицерского состава. Очень хорошо себя зарекомендовали офицеры, выросшие из довоенных прапорщиков, а также вольноопределяющиеся из числа образованных гражданских лиц, но последних было мало. Основную массу офицеров составляли юные прапорщики, попадавшие на ускоренные курсы сразу со школьной скамьи и

носившие мундир только несколько месяцев, если не недель. Они проходили трехнедельные, в лучшем случае – двухмесячные курсы, после чего отправлялись на фронт, где командиры предпочитали их переучивать, прежде чем посылать на позиции.

Низким было качество пополнения даже в элитных частях, коими была всегда императорская гвардия. К концу 1916 г. в каждом гвардейском пехотном полку оставалось 10-12 кадровых офицеров из первоначальных 70-75 и до сотни солдат из 1,8-2 тысяч мирного времени. А ведь речь шла о главном оплоте всей властной конструкции [11, С. 423]. В столице к 1917 году не осталось ни одного полка гвардейской пехоты и конницы, которые могли бы предотвратить февральский бунт 1917 г.

Война становилась все более позиционной и окопной, что неизбежно вело к деморализации проводивших много времени в бездействии военнослужащих. Мотивация солдатской массы оставалась размытой, люди так и не понимали, за что воюют. К осени 1916 года в некоторых корпусах, бывших на фронте, были случаи пропаганды против командного состава и за прекращение войны, были несколько случаев неисполнения боевых приказов отдельными ротами и батальонами. Начавшиеся в 1915 г. на Юго-Западном фронте, повсеместно стали распространяться братания, солдаты и офицеры противника все чаще и настойчивее стали появляться перед русскими позициями с белыми флагами и мирными зазываниями.

Наблюдалось дезертирство, масштабы которого так никогда и не были установлены. В общественных и даже офицерских кругах звучали цифры от 1 до 2 млн. человек, основанные на визуальном наблюдении за огромной массой военнослужащих, перемещающихся по железным дорогам. Генерал Василий Гурко считал эти цифры сильно преувеличенными. В каждый конкретный момент времени в отпусках находились от 2 % до 5 % списочного состава. В отпусках и по болезни находилось до 0,5 млн. военнослужащих [4, С. 270].

Если же брать Вооруженные силы в целом, самой взрывоопасной была ситуация в запасных батальонах. В начале войны их было 500, затем добавили столько же батальонов 2-й очереди, в которых в конце 1916 года насчитывалось более 2,5 млн. военнослужащих. В странах-участницах войны подготовка молодого пополнения велась в военных городках и лагерях. Россия пошла иным путем. По инициативе Поливанова (военный министр Николая II) было решено готовить резервы в крупнейших городах, в казармах отправляемых на фронт частей. Такая тактика имела роковые последствия. Особенно много призывников оказалось в столице и ее пригородах. Сколько – источники расходятся. Наиболее часто в исторической литературе приводится цифра в 250-300 тыс. военнослужащих [11, С. 428]. Причем пополнения 1916 г. были преимущественно старших возрастов, семейные, оторванные от дома, они неохотно шли на войну.

Такие изменения в составе императорской армии приводили, прежде всего, к утрате среди военнотружущих чувства воинского долга и дисциплины, в росте антивоенных настроений и самое главное – в утрате веры в легитимность самодержавия как законной власти. Такая армия переставала быть опорой трона и царской династии, что и наглядно показали февральские события 1917 года.

Главной же целью нашего исследования является анализ роли и политического поведения армейских масс и их военных вождей в революционных событиях 1917 года, попытки и использование армейских контингентов различными политическими силами и партиями революционной России.

Забегая вперед, отметим, что именно поведение широких солдатских масс и части офицерства предопределило победу разнородных революционных сил и свержение действующей власти – самодержавия. Для подавления февральского бунта в Петрограде не нашлось решающие для царской монархии надежных частей.

27 февраля 1917 года Николай II в Могилеве (здесь располагалась ставка Главнокомандующего, должность которого взял на себя император в 1915 г. – прим. авт.) получил верные сведения из Петрограда о происходящих там серьезных беспорядках, начавшихся еще 23 числа. Толпы расквартированных в столице солдат из запасных батальонов вместе с примкнувшими к ним группами гражданских лиц ходили с красными флагами по главным улицам, громили полицейские участки, грабили магазины, вступали в стычки с полицией и немногочисленными частями, оставшихся верными царю. Положение становилось критическим. Власть в столице была парализована. Надо было принимать меры для водворения порядка. На подавление революционных выступлений в столице царю удалось снять с Западного фронта и отправить в Петроград лишь 4 полка: 26- пехотный Могилевский, 36-й пехотный Орловский, 2-й Павлоградский гусарский и 2-й Донской казачий. Они должны были направиться в Петроград 1 марта, но в ту же ночь по приказу от имени императора (но без его ведома!) часть их была задержана на больших станциях, а часть так никуда и не уехала с фронта. А ведь по свидетельству думского депутата А.А.Бубликова, «достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено [1, С. 350-351].

Активная роль в организации заговора высшего генералитета принадлежала председателю Государственной думы Михаилу Родзянко, которому удалось уговорить начальника Генштаба М.В. Алексева и командующих фронтами Н.В. Рузского (Северо-западный фронт), А.Е. Эверта (Западный фронт), А.А. Брусилова (Юго-Западный фронт), В.В. Сахарова (Румынский фронт) и командующего Кавказским фронтом, двоюродного дядю царя великого князя Николая Николаевича пойти на

отречение государя от власти. Переговоры об отречении с царем начал командующий Северо-Западным фронтом генерал Н.В. Рузский в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. Николай II, получив телеграммы с подобными заявлениями от всех командующих фронтами, приняв у себя депутата Госдумы Шульгина и члена Госсвета Гучкова, вынужден был 2 марта подписать манифест о своем отречении в пользу своего младшего брата Михаила. Последний, не находя возможности сохранить трон и самодержавие в России, 3 марта 1917 г. сложил с себя данные полномочия.

Почему же войска не выступили в поддержку Николая или Михаила? Прямой ответ на этот вопрос дает Деникин, утверждающий, что сдерживающим началом для всех верных частей «являлись два обстоятельства: первое – видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие; и второе – боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия была тогда послушна своим вождям. А они – генерал Алексеев, все главнокомандующие – признали новую власть. Вновь назначенный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в первом своем приказе говорил: «Установлена власть в лице Временного правительства» [5, С. 143].

После отречения младшего брата царя Михаила Александровича власть в стране перешла в руки тех самых общественных деятелей, которые в 1915-1916 годах стояли у руля Государственной Думы, Земгора и военно-промышленного комитета. Теперь они составили Временное правительство. Одновременно с ними в Петрограде возник Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с меньшевиком М. Чхеидзе – своеобразное «второе правительство».

Захват власти революционными силами, разнообразными по своему составу и социальному положению (от кадетов до большевиков и анархистов) в столице произошел столь быстро и успешно по причине перехода на сторону революции солдат Петроградского гарнизона, численность и состав которого мы указали выше. Здесь более подробно отметим, как действовали революционизированные части гарнизона в ходе февральских событий 1917 года.

23 февраля 1917 года начались стихийные волнения в Петрограде, который был охвачен всеобщей забастовкой рабочих столицы. Забастовка сопровождалась стихийными митингами и демонстрациями с лозунгами «Хлеба!», «Мира!», «Свободы!». Позже появились лозунги «долой войну!», «Долой самодержавие!». День 23 февраля считается началом революции.

Командующий Петроградским военным округом генерал С.С.Хабалов получил от царя приказ покончить с беспорядками. 26 февраля подчиненные ему войска открыли огонь на поражение, в результате чего свыше 50 человек были убиты и сотни ранены. Расстрел демонстрантов вызвал

сильное возмущение солдат гарнизона. Это в решающей степени содействовало их переходу на сторону революции. Уже вечером того же дня отказались повиноваться командирам 500 солдат запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка. С большим трудом удалось локализовать восстание и изолировать его участников. Но утром 27 февраля восстала учебная команда Вольнского полка. Начальник команды был убит; солдаты двинулись на соединение с Литовским и Преображенским полками, затем захватили арсенал, забрали в нем оружие и передали его рабочим. Если утром 27 февраля среди восставших находилось 10 тыс. солдат, то вечером того же дня – 67 тыс., а на следующий день уже 127 тыс. 1 марта на стороне восставших было уже 170 тыс. солдат. Остатки гарнизона вместе с Хабаловым сдались [10, С. 297].

Как относились войска действующей армии к февральским событиям 1917 года, к новой власти Временного правительства и его Декларации? Развернутый ответ на этот вопрос дает автор солидной монографии «Утерянные победы Российской империи» В.В. Бондаренко на примере войск Западного фронта (1, С. 353-354). Он отмечает, что большая часть офицерского корпуса негативно отнеслась к Февральской смене власти, к низложению монарха. Что касается солдатской массы, то отношение ее было противоречивым. Революция с ее провозглашенными демократическими свободами воспринималась значительной частью солдат как возможность без последствий для себя не исполнять приказы, расправляться с неудобными офицерами. Впервые в армии, находящейся на фронте, начались аресты офицеров солдатами, самосуд вплоть до убийства.

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по армии – важнейшему институту государства. 2 марта секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н.Д. Соколов (являвшийся как и Керенский, одним из руководителей российского масонства тех лет) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство известный приказ № 1» Приказ предусматривал выборы в войсках комитетов из нижних чинов, изъятие оружия у офицеров и передачу его под контроль комитетов, установление не ограниченной «ни в чем» свободы солдата. Этот приказ начал разрушение армии. Став военным министром, Керенский 9 мая 1917 г. издал аналогичный приказ, известный как «декларация прав солдат» В июле генерал Деникин заявил: «развалило армию военное законодательство последних месяцев».

В армии была проведена чистка командного состава (по данным Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов). На главные посты были назначены близкие к думским оппозиционным кругам выдвиженцы – А.И.Деникин, Л.Г.Корнилов, А.В.Колчак. Колчака активно поддерживала партия эсеров, которая мобилизовала сотни своих членов для агитации на кораблях [7, С. 117].

На примере Западного фронта можно судить о влиянии различных политических партий и организаций весной и летом 1917 года. Наибольшее влияние среди военнослужащих фронта имели эсеры (социалисты-революционеры). На 1-м съезде военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта 7-16 апреля 1917 года, который прошел в городском театре Минска в присутствии самых разных политических персон – от М.В. Родзянко до В.П. Ногина, – они составляли 40 % всех делегатов. Следующими по влиянию были меньшевики, энесы (народные социалисты) и кадеты (конституционные демократы) [1, С. 372].

Временное правительство за отпущенный ему историей срок (с марта по октябрь 1917 г) так и не смогло создать прочной системы власти, реорганизовать армию так, чтобы последняя стала вооруженной опорой нового государственного устройства. Все три кризиса Временного правительства (апрельский, июньский и июльский) свидетельствовали о растущей неспособности новой власти разрешать насущные проблемы и противоречия, накопившиеся в потрясаемой революцией стране.

Первый кризис Временного правительства был связан с нотой министра иностранных дел кадета П.Н.Миллюкова к союзникам России (от 18 апреля 1917 г), в которой подчеркивалось стремление России вести войну до победного конца и добиваться «гарантий и санкций» (фактически тех же аннексий и контрибуций) для «предупреждений кровавых столкновений в будущем». Такое заявление противоречило принятой 27 марта 1917 г. совместной декларации Временного правительства и Совета, где провозглашался оборонительный характер войны революционной России и стремление к достижению мира без аннексий и контрибуций. Против ноты Миллюкова выступили рабочие и солдаты в Петрограде, Москве и ряде других центров, где состоялись массовые демонстрации под лозунгами «Долой министров-капиталистов!», «Долой Миллюкова!», отмечались стихийные выступления и на фронтах. От полного краха Временное правительство спас Исполком Петроградского Совета во главе с умеренными социалистами. В начале мая в состав правительства вошли лидеры социалистов (эсер В.М. Чернов, меньшевик И.Г.Церетели и др.), стремившиеся своим авторитетом укрепить позиции буржуазной власти.

Наступление на фронте, начавшееся 18 июня, быстро захлебнулось. Героизм отдельных частей, особенно 8-й армии Юго-Западного фронта под командованием генерала Корнилова, не смог компенсировать несогласованность действий, развал армии. Неудачи на фронте совпали по времени с очередным (2-м) правительственным кризисом. Поводом для него стало соглашение, заключенное А.Ф. Керенским, И.Г. Церетели и М.И. Терещенко от имени Временного правительства, фактически предоставляющее Украине автономию еще до решения Учредительного собрания.

В знак протеста министры-кадеты А.А. Мануйлов, А.И. Шингарев, Д.И. Шаховский заявили о выходе из состава правительства. Еще ранее из него вышел А.И. Коновалов. ЦИК Совета решил не пополнять состав правительства, оставив 11 человек в качестве политического кабинета, а вместо кадетов назначил для технической работы «управляющих министерствами».

Третий кризис Временного правительства связан с наиболее драматическими событиями революции 3-6 июля 1917 г. 3 июля по призыву 1-го пулеметного полка под руководством Г.И. Петровского на улицы Петрограда вышли тысячи вооруженных солдат и рабочих, требующих перехода власти к Советам. Поступали многочисленные сообщения о стрельбе в отдельных районах города. Восставшие завладели Петропавловской крепостью, митинговали перед Мариинским и Таврическим дворцами.

Правительство и Совет призвали солдат не выходить на улицу. Когда стало ясно, что призыв не нашел отклика, командующий Петроградским военным округом генерал Половцев запретил проведение любых демонстраций и приказал войскам гарнизона восстановить порядок на улицах. Однако войска проигнорировали его приказ.

Предотвратить столкновение между правительственными силами и 400-тысячным колоннами демонстрантов с немалым числом винтовок и пулеметов не удалось. В Петрограде раздались выстрелы. Причем первыми, как правило, огонь открывали члены правых военных и полувоенных формирований, заседавшие на верхних этажах и чердаках в центральной части города. С другой стороны, буйно вели себя кронштадские матросы, большей частью вооруженные и горевшие желанием сразаться. Они никак не могли взять в толк, зачем их вытребовали в Петроград, если демонстрация сугубо «мирная»? В ходе июльских событий в Петрограде было убито 56 человек и 650 было ранено [6, С. 52].

Итогом июльских событий 1917 г., как казалось на первый взгляд, было укрепление власти Временного правительства, поддержанного Советами, во главе последних стояли руководители умеренных социалистических партий. Фактически же с каждым днем активизировался процесс поляризации классовых и политических сил. В этих условиях малоэффективные попытки Временного правительства и эсеро-меньшевистских Советов удержать Россию на пути демократии, обеспечить коалицию всех партий за исключением двух крайних флангов (большевиков и открытых противников Февраля), «бонапартистски» лавировать между антагонистическими интересами верхов и низов вздыбленного российского общества сталкивались с растущим противодействием и левых и правых.

Большевистская партия на VI съезде (конец июля – начало августа) сняла лозунг «Вся власть Советам!», так как по утверждению ленинцев,

эсеры и меньшевики превратили его в «фиговый листок контрреволюции», и провозгласила курс на вооруженный захват власти.

На противоположном, правом, политическом фланге росло число сторонников военной диктатуры. Их не устраивала слабость Временного правительства, его полная неспособность положить конец «революционной анархии» на фронте и в тылу. Эти настроения ярко проявились в работе Государственного совещания (12-15 августа), где присутствовали представители буржуазии, высшего духовенства, офицеров и генералитета, бывшие депутаты Государственной Думы, руководство Советов и профсоюзов. Созванное А.Ф.Керенским в надежде заручиться поддержкой в проведении своей «бонапартистской» политики совещание недвусмысленно отказало ему в этом. Центральной фигурой там стал Верховный Главнокомандующий (с 18 июля 1917 г.) Л.Г. Корнилов, потребовавший ввести смертную казнь в тыловых армейских частях, установить жесткую дисциплину на железных дорогах, фабриках и заводах. С его именем связан самый драматический эпизод русской революции, известный как корниловский мятеж.

Процесс разложения армии, начавшийся с февральских дней и упомянутого приказа № 1, набирал обороты и остановить его ни генералитет, ни посылаемые на фронт комиссары Временного правительства, как оказалось, были не в состоянии.

Типичным явлением на фронте стал отказ частей и соединений выполнять приказы вышестоящих командиров. Буквально накануне июньского наступления 2-й Кавказский армейский корпус наотрез отказался выполнять поставленную перед ним задачу. Чтобы представить себе «боеспособность» корпуса, достаточно упомянуть, что в некоторых его полках было по 10 самогонных аппаратов! Командующий 10-й армией генерал П.Н. Ломновский срочно вывел из состава корпуса единственную неразложившуюся дивизию, прочие части отправил в тыл, а 169-ю дивизию приказал расформировать. Этот приказ был выполнен с большим трудом: 673-й пехотный Прилукский и 675-й пехотный Конотопский полки попросту отказались сдавать оружие. По мятежным полкам была применена артиллерия и только после этого солдаты сложили оружие [1, С. 380].

Однако не все армейские части лета 1917 года представляли собой разложившуюся под воздействием антивоенной пропаганды вооруженную толпу. Революция породила новые, прежде невиданные в русской армии части – ударные. Именно на их плечи в итоге и легла основная боевая работа на фронтах Великой войны в период весны-осени 1917 г.

Первые добровольческие части, ставшие прообразом ударных, начали возникать на фронтах явочным порядком в апреле 1917 года как реакция на Приказ № 1, всевластие комитетов и нарастающий развал армии. В них переходили те офицеры и солдаты, которые считали для себя неприемлемым

охвативший Россию хаос и по-прежнему желали энергично сражаться с внешним врагом. Известно, что на Юго-Западном фронте уже тогда в каждой армии существовали «бригады смерти», выполнявшие функции штурмовых батальонов. 19 мая 1917 года капитан М.О. Неженцев начал формировать 1-й ударный отряд в составе двух батальонов (91 офицер, 1763 рядовых, 600 человек в трех пулеметных командах). Однако законодательно существование таких частей было оформлено рядом приказов Верховного Главнокомандующего только летом 1917 года [1, С. 382].

К октябрю 1917 г. общее количество ударных частей (их еще именовали и частями смерти насчитывало 312, а их численный состав примерно равнялся 600 тысячам бойцов [1, С. 386].

В те дни были хороши все средства для поднятия упавшего духа войск. Это доказывает факт прибытия на передовые позиции самой «Экзотической» воинской части России – 1-го женского батальона смерти под командованием прапорщика Марии Леонтьевны Бочкаревой. 1-му женскому батальону было присвоено обычное обмундирование армейской пехоты без всяких скидок на пол солдат, а также красно-черный шеврон на правом рукаве. Единственным отличием были погоны, по белому полю которых вертикально шла красно-черная ленточка.

Характерным явлением для Вооруженных сил России после февральских событий 1917 года стал процесс «национализации» ряда частей, формально входящих в состав русской армии. Национальные по составу части были в ней и раньше – кавказские, латышские, польские, но они создавались отнюдь не на «демократических» основах». Никто бы не позволил этим частям митинговать и выступать за национальную независимость до Февраля 1917 г. А после февраля лавина «национализаций» покатила по стране уже безбоязненно.

Самые многочисленные части удалось сформировать украинским «самостийникам», точнее преобразовать около 50 пехотных и кавалерийских дивизий в «украинские» из частей, действовавших тогда на Юго-Западном и Румынском фронтах.

В конце 1917 года на разных фронтах шла также «мусульмунизация», «молдавизация», «грузинизация» и «армянизация» частей численностью от батальона до дивизии. Происходила она по одному сценарию – из части изымались и переводились в другие соединения все солдаты-неукраинцы (негрузины, неармяне и т.п.) по национальности. А взамен часть пополнялась солдатами соответствующей национальности. Офицеры по желанию оставались на своих должностях или уходили, так что «национальными» такие части были по «солдатскому» принципу.

Что касается белорусов, то они «созрели» достаточно поздно. Только 18 октября 1917 года собрали в Миске съезд военнослужащих-белорусов Западного фронта, который избрал Белорусскую военную раду и постановил

немедленно создавать белорусскую армию. В конце октября избранная съездом делегация отправилась в Могилев – просить Ставку разрешить создание белорусских частей.

Н.Н. Духонин – последний Главком Временного правительства, разрешил сформировать в Минске Белорусский полк, с перспективой создания Белорусского корпуса по образцу 1-го Польского.

Забегая вперед, скажем, что официальное разрешение на создание белорусских частей было дано Ставкой уже 24 ноября 1917 года, через четыре дня после того, как она стала большевистской, т. е. санкцию на создание национальных частей в Белоруссии дали и Временное правительство, и советская власть. Правда, причины этого были абсолютно разные. Духонин хотел хоть как-то сохранить старую армию, пусть даже путем создания в ней национальных частей. Большевики – как можно скорее ее развалить, а для этого сепаратистские подразделения вполне годились.

Белорусский полк предполагалось создать на базе Минских ополченческих дружин. Однако, в условиях общего хаоса конца 1917 – начала 1918 года идея национализации на Западном фронте в целом провалилась. Это объяснялось как малой популярностью белорусского национализма (даже тогдашние лидеры белорусского национального движения видели будущее своей страны только в составе федеративной России), так и общей усталостью людей, которых уже нельзя было заманить ни под какие знамена.

Переломным моментом в развитии революции явились события 25 августа – 1 сентября 1917 года, получившие во многих исторических публикациях название «корниловский мятеж». 25 августа по распоряжению Л.Г. Корнилова генерал А.М.Крымов привел войска, намеченные к движению на Петроград, в боевую готовность. Ввод войск в столицу сопровождался приказом Корнилова, который должен был быть обнародованным после вступления в столицу. Приведем только некоторые положения этого документа. Петроградский военный округ с Кронштадтом и Финляндией объявлялся на осадном положении. Запрещались митинги, вводилась цензура и комендантский час. Виновные в нарушении этих правил подлежали расстрелу. 26 августа А.М. Крымов двинул войска к Петрограду. Судя по имеющимся документам, Л.Г. Корнилов ожидал (согласно договоренности с А.Ф. Керенским), что глава правительства объявит Петроград на военном положении, что позволит покончить с революционной анархией, навести в стране порядок и обеспечить восстановление боеспособности войск, находящихся на фронте. Однако А.Ф. Керенский, подозревая Л.Г. Корнилова в стремлении стать военным диктатором, сместив его самого, поступает для последнего самым неожиданным образом. Арестовав В.Н. Львова, он от своего и его имени провел беседу по телеграфу с Корниловым, в которой главком подтвердил

свои военные приготовления. А.Ф. Керенский обещал прибыть в Ставку, а вместо этого собрал правительство и, предъявив Корнилову обвинение в государственном перевороте, добился принятия решения о его смещении. Главнокомандующим назначался начальник штаба генерал А.С. Лукомской.

Корнилов отказался сдать пост. Добавим, что и Лукомской отказался его принять. Очень характерна ответная телеграмма А.С. Лукомского А.Ф. Керенскому: «Остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно. Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым...» [6, С. 58].

Правые силы сами подвели ситуацию в стране к усилению позиции левых, особенно большевиков. Вспомним слова Л.Г. Корнилова о том, что А.М. Крымов «не задумается в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов». 27 августа Л.Г. Корнилов открыто заявил о намерении свергнуть Временное правительство, выдвинув против него и Совета абсурдные обвинения в действиях «в полном согласии с планами германского Генерального штаба».

Значительная часть генералитета поддержала Л.Г. Корнилова. Но исход борьбы решали не генералы, а рядовые. А их симпатии были на стороне демократических сил, которым удалось объединиться на период борьбы с диктатурой. Советы приняли резолюцию о полной поддержке премьер-министра.

28 августа ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполком съезда Советов крестьянских депутатов (ЦИК и ИВСКД) создали чрезвычайный военный оборонительный орган – Комитет народной борьбы с контрреволюцией, в который вошли представители от эсеров, меньшевиков и большевиков, ЦИК и ИВСКД, Центрального Совета профсоюзов, Петроградского совета и Международного совещания, районных советов Петрограда. Комитет народной борьбы образовал военную и информационную секции и политический комиссариат. Специальное бюро для борьбы с войсками Л.Г. Корнилова создал и Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников (Викжель).

В рабочих кварталах столицы были созданы отряды Красной гвардии, численность которых только за несколько дней превысила 25 тыс. человек. Оружие красногвардейцы получили из открытых А.Ф. Керенским арсеналов столицы. На защиту революции в Петрограде прибыли моряки из Кронштадта. Огромное превосходство левых сил над войсками мятежников было очевидным. Что касается войск под командованием А.М. Крымова, то воинские эшелоны с этими частями были остановлены благодаря позиции железнодорожников. А затем вступил в действие главный фактор 1917 года – слово. Агитаторы левых быстро добились лояльности войск правительству. Фактически в течение всего мятежа не было столкновений между частями Л.Г. Корнилова и правительственными войсками.

Ликвидация мятежа была бескровной. А.Ф. Керенский провозгласил себя главнокомандующим, начальником Генерального штаба стал генерал В.С. Алексеев, военным министром – генерал А.И. Верховский. Несколько самых активных заговорщиков, в т. ч. Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин были арестованы. Все остальные командующие фронтами поспешили заявить о своей лояльности к правительству.

Когда произошел октябрьский переворот, в тюрьме оставались лишь главные подследственные – генералы Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.С. Лукомской и еще несколько человек. В середине ноября Л.Г. Корнилову и другим с помощью охраны удалось покинуть Быхов. В Новочеркасске, куда они вскоре прибыли, уже развертывалось белое движение – фактически детище корниловского выступления конца августа 1917 года.

Спасенное руками левых правительство Керенского оказалось недееспособным в решении коренных вопросов жизни российского общества революционной эпохи. Общенациональный кризис, охвативший бывшую огромную империю с Февраля 1917 г., к осени резко обострился. Его основными проявлениями стали экономическая разруха, транспортный паралич, нарастающий голод, развал фронта, рост крестьянских и рабочих выступлений, мятежные национальные окраины. В руках правительства к осени 1917 г. не оказалось силы, прежде всего вооруженной, которая могла бы переломить критическую ситуацию.

Большевики снова выдвинули лозунг «Вся власть Советам!», не отказываясь в принципе от курса на вооруженное восстание. Окончательно курс на вооруженное восстание был принят большевиками на заседании ЦК партии 10 октября, несмотря на энергичные возражения Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. 12 октября Петроградский Совет, возглавляемый Троцким, избрал Военно-революционный комитет (ВРК). В его состав помимо большевиков вошли представители левого крыла эсеров и анархисты. 22 октября ВРК направил своих полномочных во все воинские части Петроградского гарнизона, чем фактически лишил Временное правительство власти над ними. В ночь с 24 на 25 октября красногвардейцы, революционные солдаты и матросы Балтийского флота стали занимать ключевые пункты столицы: вокзалы, мосты, телеграф, электростанции. В ночь на 26 октября восставшие захватили Зимний дворец. Временное правительство прекратило свое существование, его министры были взяты под стражу. Новая революционная власть – власть Советов, была оформлена решениями 2-го Всероссийского съезда Советов 25-26 октября 1917 г. Умеренные социалисты, покинув съезд в знак протеста против вооруженного захвата власти, сами обеспечили формирование нового однопартийного правительства – СНК во главе с В.И. Лениным.

Октябрьское восстание 1917 года еще не означало бесповоротную победу большевиков во главе с В.И. Лениным. Стране еще предстояло

умыться реками крови в ожесточенной гражданской войне 1918–1920 годов. Победа в этой братоубийственной войне оказалась на стороне Советской власти, сумевшей воссоздать армию с железной дисциплиной и единоначалием. Эта история выходит за рамки нашего исследования. Здесь еще раз подчеркнем решающее значение вооруженных сил на переломных этапах развития любого общества и страны.

Список литературы

1 Бондаренко, В.В. Утерянные победы российской империи / В.В. Бондаренко. – Минск : Харвест, 2010.

2 Врангель, П.Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920 / П.Н. Врангель. – Минск, 2002.

3 Голован, Н.Е. Россия в Первой мировой войне / Н.Е. Голован. – Москва, 2006.

4 Гурко, В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917 / В. Гурко. – Москва, 2007.

5 Деникин, А. Путь русского офицера / А. Деникин. – Москва, 2002.

6 История России. XX век : учеб. пособие / О.А. Яновский [и др.] ; под ред. В.И. Меньковского, О.А. Яновского. – Минск : РИВШ, 2005.

7 Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация. Кн. 1. От начала до Великой Победы / С.Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2002.

8 Керсновский, А.А. История Русской Армии / А.А. Керсновский. – Москва, 1999.

9 Корнищ, Н. Русская армия 1914-1918 / Н. Корнищ, А. Карацук. – Москва, 2005.

10 Моряков, В.И. История России / В.И. Моряков, В.А. Федоров, Ю.А. Щетинов. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

11 Никонов, В. Крушение России / В. Никонов. – Москва : АСТ : Астрель, 2011.

12 Шубин, А. 10 мифов Советской страны / А. Шубин. – Москва: Яуза, Эксмо, 2006.